

«Этнический состав и происхождение алтайцев», «Очерки народного быта тувинцев», - является одним из авторов и редактором пятитомника «История Сибири» и очередного издания «Истории СССР», а также публикует около 150 статей. И это не считая организации, руководства в течение 11 лет и издания трудов сначала комплексной Саяно-Алтайской, а затем Тувинской экспедиций. В период директорства Леонида Павловича возобновляется издание сборников МАЭ и, самое главное, создаются новые экспозиции всех отделов музея, которые были выполнены для того времени на хорошем научном и художественном уровне.

В Отделе этнографии Сибири, руководимым Леонидом Павловичем, были выпущены в свет том «Народы Сибири» в серии «Народы мира», «Атлас по культуре народов Сибири», монографии по ненцам, кетам, эвенкам, корякам, сборники по духовной и материальной культуре народов Сибири и несколько объемных монографий по искусству народов Сибири С.В. Иванова. Трудно даже перечислить те исследования, которые провели сотрудники отдела в этот период, не говоря уже о работе Института в целом. Это время характеризуется и яркой творческой активностью и высоким профессиональным уровнем коллектива, создавшего целую эпоху в истории отечественной этнографии.

Р.В. Кижалов

Наш Л. П.

С Леонидом Павловичем Потаповым я познакомился впервые в 1949 или 1950 г., когда был назначен членом комиссии по проверке деятельности МАЭ, созданной Обкомом Союза работников просвещения. Тогда я работал старшим научным сотрудником Отдела Востока Государственного Эрмитажа. Хотя я давно бывал в Отделе Америки Института этнографии, пользовался библиотекой, но с главой учреждения не встречался ни разу.

Наша комиссия в полном составе была принята Потаповым в своем кабинете на 2-м этаже. Мы увидели красивого мужчину плотного телосложения, который произнес приветственную и напутственную речь. Меня уже тогда поразила его способность говорить легко и без заглядываний в какую-нибудь бумажку. Равным ему оратором, пожалуй, в то время был только Иосиф Абгарович Орбели. Мне досталась проверка Сектора Америки, которая прошла быстро и вполне благополучно.

Прошло несколько лет. В 1956 г. неожиданно умерла старший научный сотрудник Сектора Америки Евгения Эдуардовна Блом-

квист. Юрий Валентинович Кнорозов предложил мне перейти в МАЭ на освободившуюся вакансию. После некоторых колебаний я согласился и, написав заявление, отдал ему. Юрий Валентинович был учеником и любимцем директора Института Сергея Александровича Токарева, и, казалось, причин для беспокойства у меня не было. Но на деле оказалось не совсем так. Недели через две я узнал, что Леонид Павлович обещал зам. директора Московской части Максиму Григорьевичу Левину взять на освободившееся место его ученика Дориана Сергеева. Об этом мне поведал Кнорозов. Но, в конце концов, всё закончилось благополучно, и мы оба были зачислены в штат. Правда, приблизительно полгода Дориан Андреевич глядел на меня «волком». Сухо встретил меня и Леонид Павлович.

Вскоре, однако, положение дел стало совсем иным. С Сергеевым мы стали просто друзьями, а Л.П., как его тогда именовали за глаза сотрудники МАЭ, тоже изменил свое отношение. Но по-настоящему мы сошлись с Леонидом Павловичем через два года, когда я был назначен научным секретарем МАЭ. Решающую роль в этом сыграл Рудольф Фердинандович Итс, бывший тогда секретарем партбюро. Он знал меня уже много лет и поручился, что я буду хорошим секретарем (хотя до этого я никаких административных должностей не занимал). К работе (любой) я всегда относился добросовестно, и Л.П. вскоре это оценил. С тех пор мы стали встречаться ежедневно, и он часто поручал мне составление первых вариантов официальных документов, причем высоко оценивал умение нового секретаря хорошо формулировать сложные вопросы. Естественно, первоначальному тексту Л.П. придавал окончательную шлифовку. Потом, уезжая на раскопки или в длительные командировки, он стал оставлять меня и.о. зам. директора, т.е. вместо себя (тогда наш Институт считался филиалом Московского, директором же был Сергей Павлович Толстов). Так, как говорится, «в одной упряжке» я проработал с Л.П. много лет. Со временем наши отношения стали дружескими и сердечными.

Леонид Павлович был по-настоящему русским богатырем, как по физическим, так и по душевным качествам. Родился он в Сибири, по-моему, в Барнауле, его отец был коронным лесничим (т.е. лесничим лесов, принадлежавших императорской фамилии). Его матушку я видел, она жила у него какое-то время в Комарово. Л.П. рассказывал мне, что в семье много читали, выписывались «Нива» со всеми приложениями, «Вокруг света» и др.

Л.П. почти круглый год проводил в Комарово, где на полученную государственную премию купил половину дачи. Почти каждый день он ездил на электричке на работу и обратно. Гневался он редко, в основном ограничиваясь метким единым замечанием. Умел

он и вкусно поесть и выпить хорошего вина и добро пошутить. Прекрасно рассказывал этнографические истории, любил и выразительно читал стихи Гумилева, Есенина и А.К. Толстого. Особенно он любил и часто читал пророческое гумилевское стихотворение о заблудившемся трамвае. В студенческой молодости любил полихачить, например прыгнуть через начавший разводиться Дворцовый мост (по воспоминаниям сотрудницы Отдела этнографии Америки Э.В. Зиберт). Был неутомимым ходяком и, отдыхая в Кисловодске, до завтрака совершал многокилометровые прогулки (вопреки запретам врачей), любил подниматься на Большое седло. Последний раз мы проделали с ним этот маршрут в 1980 г., когда ему исполнилось 75 лет!

Работал над своими статьями и книгами Леонид Павлович самозабвенно и усердно, не вставая из-за письменного стола иногда целый день. По своей этнографической специальности я был далек от сибиреведения и поэтому воздержусь от суждений о его работах. Скажу только, что читал их всегда с удовольствием и пользой для себя. Он был хорошим оратором, но в дискуссии выступать не любил. Не чуждался он порой и метких и едких сарказмов.

Леонид Павлович не был мстителен и, как мне кажется, мог довольно быстро забывать нанесенные ему обиды. С большим мужеством он переносил и физические страдания (мне лично приходилось это наблюдать), и моральные (кончину матери, которую он очень любил, смерть младшего сына Сергея). С большим достоинством Л.П. перенес нелепое постановление Президиума АН о возвратном цензе кандидатов в членкоры (через несколько лет тихо отмененное), когда, выдвинутый в члены-корреспонденты Академии наук такими учеными, как В.В. Струве, И.И. Мещаниновым и А.Н. Кононовым, был снят с голосования, хотя находился в полном расцвете физических и духовных сил...

Л.П. был очень гостеприимен. Мы с женой (в числе многих других) неоднократно бывали у него в Комарово. Это были чудесные часы. Он неизменно провожал нас на станцию. Когда мы отдыхали в комаровском Доме творчества писателей, Л.П. нередко навещал нас. С особым удовольствием он рассказывал об успехах в науке своих детей и внуков.

Я уже упомянул, что Л.П. очень любил Кисловодск и неоднократно бывал там (и мы с женой поехали туда по его рекомендации и так же привязались к этому чудесному месту). Он уходил далеко в горы, неоднократно выступал с беседами о сибиреведении, и был там очень популярен. В шуточной поэме о санатории им. Горького Академии наук Леониду Павловичу были посвящены следующие строки:

*«Здесь был Потапов величавый,
Любимец дам, наук и славы.
На нем пиджак из Праги был,
И с гордостью на нем носил
Почетный знак лауреата...»*

Хорошо запомнилось празднование 70-летия Л.П. Отмечали на даче, старший сын Роальд приготовил чудесный кашгарский плов, а потом и шашлыки. Было очень весело и сердечно...

Очень трудно писать о людях, с которыми провел бок о бок значительную часть жизни и которых искренне любил. Много (именно из-за этого) остается, как говорится, «за кадром». Может быть, конечно, это мое личное свойство.

Е.А. Алексеенко

Далекое-близкое

В июле 2005 г. Леониду Павловичу Потапову исполнилось бы 100 лет. Вот некоторые штрихи к тому портрету ученого, руководителя, человека, который может создаться у читающего эту книгу; за ними стоит долгий период общения с этим ярким, многогранным, обаятельным человеком.

Последний раз видела Л.П. (так между собой у нас называли его многие, и сам он этими инициалами часто подписывал свои дарственные надписи на работах) весной, месяца за три до его кончины. На молодых лиственницах перед больницей АН проклевались светло-зеленые кисточки. Л.П. лежал в отдельной палате кардиологического отделения. В свете бьющего в большое окно солнца было особенно заметно, как он исхудал и ослаб. Запомнился висящий на стуле коричневый в мелкую клетку пиджак. Его мы часто видели на крупной представительной фигуре Л.П.; сейчас же он казался каким-то ненужным, плечи и рукава его беспомощно свисали... Но Л.П. не был бы Л.П., если бы не сумел шуткой над своей немощью разрядить первое, а потому особенно воздействующее впечатление. Медсестра принесла на подносе порцию лекарств, которые следовало принять до и после обеда, в том числе мензурку с микстурой. Элегантным движением руки Л.П. поднял мензурку, как если бы это была рюмка с коньяком, и пожелал здоровья. Преодолевая слабость, он встал с кровати и, шутливо извиняясь, что не может пригласить даму к столу, сел обедать...

Л.П., конечно, полностью осознавал свое положение и даже посетовал, что вот приходится снова ждать, тогда как некоторое